

Льюис Г. Сигельбаум

Не расстанусь с коммунизмом

Мемуары американского
историка России

Современная западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Льюис Сигельбаум

**Не расстанусь с коммунизмом.
Мемуары американского
историка России**

«Библиороссика»

2019

УДК 929
ББК 63.3(2)

Сигельбаум Л. Г.

Не расстанусь с коммунизмом. Мемуары американского историка России / Л. Г. Сигельбаум — «Библиороссика», 2019 — («Современная западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6044208-4-3

Предметом этих воспоминаний стал поиск ответа на вопрос о том, как и почему история и коммунизм, объединившись, сформировали и вдохновили жизнь рожденного в Нью-Йорке американского еврея, отец которого вступил в коммунистическую партию США в 1939 году. Мемуары охватывают почти полувековой промежуток периода господства идеологии холодной войны и три континента. Они воссоздают путь открытий и самопознания в годы студенчества в Колумбийском университете, аспирантуры в Оксфорде, поисков в советских архивах, на угольных месторождениях Восточной Украины и в новом независимом Узбекистане. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6044208-4-3

© Сигельбаум Л. Г., 2019
© Библиороссика, 2019

Содержание

Предисловие и благодарности	6
Введение	8
Глава 1	12
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Льюис Г. Сигельбаум

Не расстанусь с коммунизмом. Мемуары американского историка России

*Я благодарю за финансовую поддержку факультет истории
и Центр европейских, российских и евразийских исследований
Университета штата Мичиган.*

*Эмоциональную поддержку и вдохновение мне дарили мои друзья,
и прежде всего моя дорогая Лэсли Пейдж Мок.*

*Все время думаю о России,
О ней все мои мысли только,
Дядя Сэм не купит меня на уловки:
Я красный радикал левого толка.*

Г.-Х. Льюис. Думая о России (1932)

*Есть такой способ это проверить: посмотреть, становится с
годами рассказчик в своем изложении достойнее или ничтожнее.
Джулиан Барнс. Одна история [Барнс 2018: 7]*

Lewis H. Siegelbaum
Stuck On Communism
Memoir of a Russian Historian

Northern Illinois University Press
an imprint of
Cornell University Press
Ithaca and London

Перевод с английского А. В. Разина

© Lewis H. Siegelbaum, text, 2019
© Cornell University Press, 2019
© Academic Studies Press, 2020
© А. В. Разин, перевод с английского, 2020
© Оформление и макет ООО «БиблиоРоссика», 2020

Предисловие и благодарности

Когда наступает пора писать мемуары? Возможно, никогда, если не возникает такого побуждения. Точнее сказать, возможно, в тот момент, когда вы все еще считаете, что вам есть что сказать, и надеетесь, что другим это будет достаточно любопытно. Я решил попробовать, заняться этим, когда, собираясь отойти от дел, понял, что не могу с этим смириться. Я все время возвращался к этой идее. Друг, имя которого я не буду упоминать, предложил мне составить сборник статей, опубликованных мной на пике научной деятельности, и я начал писать предисловие. Папка с вордовскими документами, содержащая мои автобиографические записки, по-прежнему называется «(Моя) трудовая история» – как свидетельство того, с чего все началось. При написании этого вступления настоящее как бы стало отступать в сторону. Я оглянуться не успел, как вернулся в аспирантуру, затем в колледж, а потом стал совсем зеленым юнцом. Ах, скажете вы, эти историки всегда так – ищут объяснения в прошлом. Здесь не тот случай. Не припоминаю, чтобы меня неудержимо влекло вглубь времен, когда я обращался к какой-либо теме. Никогда, вплоть до нынешнего момента.

Я прочел достаточное количество мемуаров, чтобы знать, что интереснее всего не просто рефлексивные или, говоря сегодняшним языком, саморефлексивные, но те, что рефлексивны к саморефлексии. Они задают себе вопрос не только «почему я это сделал или так подумал?», но и «как мои поступки и мысли на меня повлияли?». Не знаю, хороши ли будут эти мемуары, но собрание по кусочкам жизни ученого, посвятившего себя российской и советской истории, стало для их автора увлекательным приключением, равно и приятным, и уничижительным. Я узнал много нового о Льюисе Сигельбауме. Но хватит обо мне.

Здесь я хочу отметить ту помощь и поддержку, что я получал в процессе работы. Одна из задач, которую принимают на себя те из нас, кто работает в академической науке, – это послужить анонимным читателем для издателей, нуждающихся во мнениях экспертов о том, заслуживает ли рукопись публикации и как ее можно улучшить. Я делал это многократно, главным образом потому, что это казалось хорошим способом узнать о новой работе. Мне также очень помогло чтение другими моих собственных работ. Но только когда я получил отзывы читателей об этой рукописи, я понял, что мы участвуем в подлинно коммунистической, – то есть взаимовыгодной – практике, которая не позволяет ни получить материальную выгоду (кроме номинального вознаграждения в виде денег или книг от издателя), ни потешить самолюбие. Мы делаем это добросовестно, потому что хотим, чтобы наши рукописи читались с той же степенью добросовестности. Мы делаем это потому, что хотим сохранить или даже повысить качество работ в нашей области. Мы делаем это, говоря в терминах марксизма, чтобы мы, как творцы материальных объектов, могли рассчитывать на полную отдачу от наших трудов.

За щедрость духа и конкретные рекомендации по улучшению я с радостью передаю коммунистический привет анонимным читателям, которые поддались на уговоры издательства и посвятили время моей рукописи. Других читателей пришлось уговаривать мне. В самом начале Стив Стоу, историк американского Юга до Гражданской войны, а также бывший редактор журнала, согласился прочитать черновик в качестве «постороннего» и выдал на шести страницах с одинарным интервалом свои комментарии, к которым я возвращался снова и снова. Я навязал ранний вариант Чарльзу Кейту, историку Вьетнама, который гораздо младше меня и с которым мы сейчас играем в теннис. Рон Суни и Дайан Кенкер, два человека, чьи имена довольно часто встречаются на этих страницах, читали черновики с разными целями, но оба дали честные, критические отзывы. Я не возлагал такую задачу на других членов моего нынешнего круга друзей, но тем не менее их наблюдения и моральная поддержка помогли мне больше, чем они думают. Среди них Шон Форнер, Каррин Хэншью и Микки Стамм в Ист-Лансинге, Джефф Эли, Кали Израэль и Алан Уолд (который предложил первый эпиграф) из группы исследова-

ния марксизма в Анн-Арборе и Марк Харрисон в Англии. Эми Фарранто из Северного Иллинойса была настолько энергичным и деятельным редактором, насколько можно желать; редактора Марлина Миллера значительно улучшила мой текст, а Натан Холмс, ведущий редактор, внушал мне уверенность именно тогда, когда это было столь необходимо. Я также хотел бы выразить благодарность Стиву Сигельбауму, Ляо Чжану и Джули К. Тейлор, непревзойденному координатору Espresso Book Machine в Университете штата Мичиган. Наконец, Лесли Пейдж Мок, спутница моей жизни последние двадцать лет, внимательно прочла три версии текста. Ее вклад неоценим, и именно ей я посвящаю эти мемуары.

Введение

В весенний семестр 2017 года, когда я в последний раз читал курс советской истории, у меня случилась любопытная беседа со студенткой. Мы только что закончили обсуждение Большого террора, массовых сталинских репрессий в партийных и государственных учреждениях в конце 1930-х годов. То, что я собираюсь описать, произошло 21 февраля сразу после окончания лекции. Молодая студентка, которая до тех пор в аудитории большей частью молчала, подошла к преподавательскому столу, где я отключал свой компьютер от проектора и собирал вещи, чтобы пойти обедать. «Да, – спросил я, заметив ее присутствие, – что вы хотели?» – «Не знаю, – она говорила так тихо, что приходилось напрягаться, чтобы расслышать, – что мне делать с отчаянием, которое я чувствую».

Сначала я подумал, что она имеет в виду то неслыханное кровопролитие, о котором мы говорили, и, возможно, я переусердствовал с описанием связанных с ним ужасов. Но нет, она дала понять, что имеет в виду современную политику в Соединенных Штатах. Дональд Трамп вступил в должность всего месяц назад. Запрет на въезд в страну для мусульман, заявления Трампа об опасностях, исходящих от мексиканцев («насильники», «плохие парни»), и сделанные им достойные сожаления назначения в правительство показали, что его избрание оправдывает или даже превосходит наши самые худшие опасения. На фоне такой ее откровенности о самом наболевшем я был рад, что она пришла ко мне с чем-то, что, очевидно, имело для нее большое значение, но и опасался, что не смогу адекватно ей ответить. Тем не менее, возможно, потому, что я разделял ощущение студентки, что происходит нечто отвратительное, и думал о том, как с этим справиться, я начал говорить ей о трех вещах: во-первых, как историк я мог заверить ее, что люди переживали и гораздо худшие времена и сумели выжить; во-вторых, присоединившись к какому-либо движению, дискусионной группе или союзу, где она встретит единомышленников, стремящихся к переменам, политического или иного рода, она сможет преодолеть чувство беспомощности; и в-третьих, что занятие историей между тем дает хороший выход, или, другими словами, возможность забыться в истории.

Я описываю этот короткий разговор не для того, чтобы продемонстрировать свои способности к убеждению. После того как я провозгласил эти три мысли, не прогремел гром, не сверкнула молния. Студентка просто поблагодарила меня и вышла, все с той же тенью сомнения на лице. Однако недавно мне пришло в голову, что в моем ответе заключалось обязательство на всю жизнь заняться историей и, косвенно, мое неизменное увлечение самобытным советским коммунизмом. Поэтому то, как история и коммунизм объединились, чтобы дать импульс моей карьере и выстроить мою жизнь, и есть тема этих мемуаров. Они охватывают три континента и примерно полвека борьбы с идеологиями, легшими в основу холодной войны, и с их последствиями, – с 1960-х годов, когда я в полной мере ощутил всю тяжесть последствий от преследования маккартистами моего отца, до распада Советского Союза и далее. Читатель погрузится в суматоху студенческих волнений в Колумбийском университете во время вьетнамской войны, прочтет описание аспирантуры в Оксфорде, года, проведенного в Москве в качестве студента по обмену на пике разрядки напряженности, исследовательских проектов – неудачных и завершенных, индивидуальных и коллективных, – выполненных сначала в качестве историка-неофита в Мельбурне, а затем, на полпути карьеры, – старшего преподавателя в Мичигане. Здесь будут воссозданы путешествия в советские архивы в поисках открытий и самопознания, на угольный бассейн в Восточной Украине и в Узбекистан, недавно обретший независимость.

Двойные обязательства перед историей и коммунизмом иногда представлялись мне благословением, иногда – проклятием. Сначала казалось, что они неразрывно связаны. В 1950-х годах я воспитывался как сын «красного» и понял, что история – не «вздор», как утверждал

Генри Форд, а совсем наоборот. История содержала истину. Эта истина говорила о простых, но героических трудящихся, борющихся за свое освобождение от рабства и господства капитала, о ФБР, преследующем Поля Робсона, Юлиуса и Этель Розенбергов, о мученичестве Розы Люксембург и других коммунистов, о преступлениях империализма, особенно американского. Однако ни об одной из этих истин не говорилось в школе. По непонятным мне причинам в моей средней школе не было истории; у нас были «общественные науки», предмет, известный более раннему поколению учеников как «граждановедение». Выявление скрытых истин истории стало моей миссией. Однако в последующие годы, когда эта миссия переросла в профессиональное занятие, что требовало профессиональной подготовки, я узнал, что существует много истин, иногда противоречивых, что история – это больше, чем скрытая в прошлом политика, что она противоречива и сложна. Я понял также, что, если я хочу продвигаться вперед, мне следует скрывать свои политические предпочтения.

Мое двойственное отношение как к коммунизму, так и к истории, а на самом деле – к своей собственной идентичности, – находит отражение в двойственной структуре и названиях большинства глав в этих мемуарах. «Теннис и коммунизм», вступительная глава, объединяет мою юношескую страсть к элитному спорту и встречи с друзьями семьи, которые посвятили себя идеологии освобождения рабочего класса. Лагерь для мальчиков в Беркширах в западном Массачусетсе – место, где то и другое сосуществовало. Во второй главе, «Революционер или ученый?», описаны годы студенчества в Колумбийском университете. Там, в частности, приводятся письма моей приятельнице по старшей школе, в которых отражены юношеские переживания по поводу научной работы, политической активности в кампусе и того, к чему следует относиться более серьезно. В этой главе я восстанавливаю, основываясь на учебных планах, лекциях и конспектах, некоторые из выбранных предметов и вспоминаю преподавателей – с симпатией или без таковой. Здесь история русской революции возникает как способ совместить свои политические пристрастия с академической карьерой.

Третья глава, «Оксфорд и Москва», рассказывает о моих впечатлениях 1970-1975 годов об этих местах, пропитанных легендами о британском высшем сословии и о холодной войне. В этой главе последовательно изложены этапы написания докторской диссертации, она полна описаний исследовательских поездок в Париж и Хельсинки, а также встреч с консультантами, неформальными наставниками, друзьями на всю жизнь и женщиной, которая позже станет моей первой женой. В этой главе также содержатся наблюдения об академической практике и культуре, а также оценки того, как события глобального масштаба влияли на студентов как в Оксфордском, так и в Московском университетах. Глава заканчивается успешным, хотя и травмирующим событием – защитой докторской диссертации.

В первой части главы «Мельбурн и трудовая история» описан переезд в Австралию для работы на историческом факультете в Университете Ла Троба, тогда еще довольно новом учебном заведении, расположенном в северо-восточном пригороде Мельбурна. Приспосабливаться к жизни по австралийским правилам было непросто, но мои коллеги и студенты давали многочисленные поводы как для размышлений, так и для дружбы. Среди преподавательских и родительских обязанностей я нашел способ запустить и осуществить несколько отдельных проектов и в конечном итоге превратить оксфордскую диссертацию в книгу. Во второй части главы описывается другое превращение – переход к социальной и, в частности, трудовой истории; здесь следует отдать дань уважения Е. П. Томпсону, который вдохновил целое поколение социальных историков во всем англоязычном мире. Здесь также предлагается ретроспективный обзор трудовой и советской истории конца 1970-х – начала 1980-х годов.

Глава «Трудовая история и социальная история через призму культурного поворота» охватывает первые два десятилетия моей работы в Университете штата Мичиган после того, как я приехал туда в качестве ассистента кафедры в августе 1983 года. Здесь я оказываюсь среди историков, полных решимости расширить исследование советского прошлого, обратив-

шись к заводским цехам и другим рабочим местам для выяснения противоборства, связанного со «строительством социализма». По иронии судьбы, большая часть этой трудовой истории, включая мою книгу о стахановском движении, появилась в момент, когда индустриальный труд быстро исчезал как в развитых капиталистических странах, так и в самом Советском Союзе. Я объясняю свое частичное и неоднозначное применение понятия «культурный поворот» в разрозненных проектах как реакцию на утрату трудовой историей современной значимости.

До 1989 года мои исследования в Советском Союзе приводили меня только в Москву и Ленинград. Даже во время моей учебы как студента по обмену, когда другие выезжали на экскурсии в отдаленные части страны, я ограничивался однодневными поездками в ближайшие города. Глава «Центры и периферия» относится к моему знакомству с этими двумя городами, Москвой и Ленинградом, а также с другими местами Советского Союза во время его распада, а затем, в 1990-х годах, – и с его бывшими республиками. Будь то совместные или индивидуальные проекты, которые вдохновили меня на эти путешествия, я познакомился с разными удивительными людьми, столкнувшись с порой душераздирающими изменениями в своей жизни и обманутыми ожиданиями, в разгар политической нестабильности, культурного расцвета и экономической катастрофы.

«Семнадцать мгновений советской истории», онлайн-справочник по преподаванию предмета, и удостоенная наград книга «Машины для товарищей», посвященная советскому автомобилю, составляют содержание предпоследней главы «В сети и в пути». Взлеты и падения в разработке и поддержании веб-сайта, эмоциональные взлеты и падения в новаторских исследованиях советского объекта, столь явно символизирующего капитализм, чередуются с отчетами о редактировании книг, наблюдениями за высшим образованием и воспоминаниями о смерти отца. В последней главе рассказывается о моем обращении в «церковь миграции» и об удовольствии написания книги в соавторстве с церковным старейшиной о «репертуарах и режимах миграции в России двадцатого века».

Предлагаемая читателю книга говорит о многом и на разных уровнях. Это отчет об академическом Я ученого, сформированном семейным прошлым, течением политики во времена перемен и множеством наставников. Это руководство для гуманитариев, которые начинают строить свою карьеру, направляющее их в лабиринте противоречивых проблем, рассказывая о пути, которым прошел один ученый, чтобы соединить свои политические и научные убеждения. Она дает примеры трудов и воздаяний научного сотрудничества, смещения фокусов и путей распространения знания. Наконец, она говорит о том, насколько привлекательным может быть коммунизм как объект изучения спустя десятилетия после его исчезновения из ландшафта, в котором он существовал.

Как бесчисленному множеству других мемуаристов, пусть они не всегда в этом признаются, мне было неловко заново перебирать прозаические свидетельства своей профессиональной жизни. Я часто вздрагивал, перечитывая переписку, просматривая заметки и черновые варианты книг и статей. Если бы я только мог, я бы написал по-другому это жалобное письмо издателю, поменял излишне напыщенные куски в статье и легкомысленные комментарии в электронной почте. Однако по мере того, как я складывал кусочки мозаики своего прошлого, они начали разговаривать друг с другом. Как отдельные темы возникли: образ отца как путеводной звезды, высвечивающей важные моменты в прошлом; мои юношеские поиски своего собственного стиля; понимание того, что история может быть как способом общения с современной политикой, так и бегством от ее мерзостей; моя непреходящая привязанность к истории как научной дисциплине и двойственное отношение к академическому профессионализму. Эти темы помогли мне сформироваться, и не только в профессиональном отношении.

Таким образом, написание мемуаров поэтому оказалось не совсем непривычным занятием. Как и при работе с большинством исторических текстов, я обнаружил, что материал участвует в диалектическом круговороте тем / аргументов, каждый из которых определяет и

обозначает пределы уместности появления другого. Вопросы последовательности, причинности и логичности, столь важные для исторического исследования, возникли в начале подготовки текста. Мысль о том, что историки, независимо от выбранной темы, всегда пишут о себе, через эту ретроспекцию внезапно обрела обоснованность, которую я едва ли мог представить себе когда-то прежде.

В предлагаемой читателю книге я говорю не только об увлечении, но и о любви. В каком смысле коммунизм заслуживает любви? От его имени делались ужасные вещи, и я не нахожу приемлемым оправдание, что те, кто эти вещи делал, не заслуживают права называться настоящими коммунистами. Моя любовь к коммунизму имеет далекую историю. Ее корни – в ощущении себя американцем, – часто возмущенным, потрясенным и оторванным от корней американцем, – который признает, что коммунизм считался и сам считал себя антитезой американской гегемонии и американским мифам, придуманным для ее увековечения. Коммунизм, с которым я не расстанусь, – это люди, люди труда, которые собираются вместе, чтобы бороться за социальную справедливость и против капиталистического варварства. Это радикально эгалитарный, антирасистский и антисексистский подход. Он предполагает сбережение природных ресурсов, которые конечны и без которых жизнь существовать не может. Нельзя в то же время отрицать, что сменявшие друг друга советские руководители злонамеренно отходили от этих принципов, что в стремлении конкурировать с капиталистическим Западом они переняли некоторые из худших черт своего заклятого врага. Как бы то ни было, мое изначальное чувство родства с людьми этой страны, хотя они редко его признавали и нечасто отвечали взаимностью, и даже любовь к ним, борющимся за приближение коммунистического будущего, выдержало испытание временем. Поэтому эту книгу можно читать как любовный роман.

Глава 1

Теннис и коммунизм

«Стиви, – спросил я, глядя в окно машины на дома, отделенные от дороги широкими ухоженными газонами, – будут ли люди все еще жить здесь, когда настанет коммунизм?» Мы ехали через Форест-Хиллз, место обитания верхушки среднего класса в районе Квинс, где дома и некоторые квартиры выполнены в тюдоровском стиле, как в старой доброй Англии. Мне тогда было, видимо, лет двенадцать, а моему брату восемнадцать-девятнадцать. Не могу припомнить, что нас туда привело. Мы явно не ехали в теннисный клуб «Вест-Сайд», где проходил турнир US Open, потому что я был в этом легендарном месте только один раз, десять лет спустя, в 1971-м, когда увидел, как чех Ян Кодеш в первом туре наголову разбил Джона Ньюкомба. Возможно, наша поездка имела какое-то отношение к тому, что мой брат стал первокурсником в расположенном по соседству Колледже Квинс, хотя почему я сопровождал его как пассажир, так и остается тайной.

«Конечно, – слегка замявшись, ответил он. – Просто больше людей будет жить в этих домах». Я спросил, должно быть, из-за того, что смутно ощущал некоторое противоречие между эстетической привлекательностью этих жилищ и осознанием того, что их владельцы принадлежат к классу, который при коммунизме лишится своей собственности. Поэтому брат дал прекрасный ответ: богатые люди не будут выброшены из своих домов, им просто придется разделить жилье с другими. Видимо, брат интуитивно понимал, что изначально делали, придя к власти, коммунисты-большевики после революции 1917 года. Или мои родители обсуждали с ним это за моей спиной!?

«Король-коммунист!» – то и дело обзывал меня Лестер (Летти) Фогарский. Может, он и другим детям по соседству давал какие-то похожие прозвища, но его слова особенно много значили для меня, сына коммуниста. У отца Летти была аптека, где мы с друзьями от случая к случаю крали бейсбольные карточки и другие «сокровища» – не потому, что нас на то вдохновлял коммунизм, а потому, что не было денег. Летти был меня на пару лет старше и, значит, года на два младше моего брата. Не скажу, что играл с ним часто; может быть, только в футбол в парке. Когда я рос, в 50-х и начале 60-х, под коммунистом подразумевался человек, который симпатизировал прежде всего Советскому Союзу, или «России», как большинство американцев сокращенно его называли. По крайней мере это значило принимать сторону советского блока в его бесчисленных спорах со «свободным миром». «Царь-коммунист», возможно, было просто детским прозвищем, но в этих словах действительно заключалось проклятие всех «полнокровных» американцев со стороны обоих политических режимов.

Как бы то ни было, я, без сомнения, был и полнокровным, и американцем: родился в Бронксе в 1949 году, вырос на Лонг-Айленде в двухэтажном кирпичном колониальном доме, был заядлым поклонником «Янкиз», боготворил Микки Мэнтла. Я достаточно насмотрелся «Дэви Крокетта», «Мэверика» и «Дымка из ствола»², чтобы представлять кусты и деревья

¹ Тарик Сирил Амар [Amar 2015: 84] отмечает, что перераспределение жилого пространства было «принципиальной практикой советской социальной трансформации», и добавляет, что «насилованное перераспределение жилплощади было темой первого советского художественного фильма», премьеры которого состоялась в 1918 году. Сам фильм, к сожалению, без интитров, см. [Ленфильм 1918].

² «Дэви Крокетт, король диких земель» (Davy Crockett, King of the Wild Frontier), 1955 – приключенческий фильм по мотивам биографии Дэви Крокетта, американского путешественника, офицера и политика, который стал персонажем американского фольклора. «Мэверик» (Maverick) – американский телесериал, который транслировался на канале ABC с 22 сентября 1957 по 8 июля 1962 года. «Дымок из ствола» (англ. Gunsmoke) – американский телесериал, первоначально выходивший на радио, а после по телевидению. Действие шоу происходило в Додж-Сити, штат Канзас, и в основе сюжета лежит наведение порядка на западе США в девятнадцатом веке. – *Примеч. ред.*

вокруг дома лесами Кентукки или, наоборот, Диким Западом, где мы с друзьями играли в ковбоев и индейцев. Благодаря Стиви я знал и мог напевать множество рок-н-рольных хитов, от «Почему дураки влюбляются» Фрэнки Лаймона и «Тинейджеров» до «Танцев на улице» «Марты и Ванделлас». Тем не менее насмешки Летти меня задевали. Он знал, что я не совсем свой, и я тоже это понимал. Однако мы все изображали нормальную живущую в пригороде семью, фотографируя друг друга, как, например, на снимке 1964 года, где бабушка Сэди с гордостью позирует перед нашим домом со своими тремя внуками: там Стив, высоченный в свои двадцать один; неуклюжий пятнадцатилетний я; и моя девятилетняя сестренка Эллен крепко обнимает свою куклу Барби.

«Он не вписывался в мир, в котором жил. Он всегда пытался спасти Советский Союз, который был страной, которая его спасла». Так в 2011 году хвалебно написал Рональд Суни, преподаватель общественно-политической истории Мичиганского университета, о Моше (Мише) Левине [Suny 2012:194]. Невысокий, но крепко сложенный еврей из Восточной Европы, Миша был гигантом среди американских историков, специализирующихся на СССР. Размышляя о том, с какой мягкой усмешкой, с какой глубокой почтительностью Рон охарактеризовал Мишу, я поражаюсь, как отозвались во мне его слова. Вписался ли я в мир, в котором жил, спас ли меня Советский Союз и пытался ли я спасти его, пусть задним числом? На эти вопросы удивительно сложно ответить. Как Советский Союз спас Левина? Мы с Лесли Пейдж Мок [Siegelbaum, Moch 2014: 244] так изложили историю его бегства от фашистов в 1941 году:

Миша, девятнадцатилетний еврейский мальчик, попросился в грузовик с советскими солдатами, отступающими из Вильно. Командир ему отказал, но, по счастью, простые солдаты были добрее: подмигнув, они помогли ему залезть в кузов. Родителей он больше никогда не видел. Миша добрался до Урала, вступил в Красную армию и в качестве офицера видел парад Победы на Красной площади в Москве.

Немного об этом я слышал от самого Миши, но, когда я прочел некролог Рона Суни, все встало на свои места. Конечно, я и так знал, что Советский Союз спас всех нас – весь мир – от фашизма. Из года в год я обращал на это внимание студентов на своих лекциях по истории СССР, отмечая возросшую внутригосударственную легитимность, которую приобрели Советское государство и Сталин, а также высокую цену, которую заплатил советский народ. А когда мне было столько же лет, что и Мише, когда он пустился в добровольную эвакуацию, я понял, что в спасении нуждается моя страна, а не Советский Союз. Девятнадцать мне исполнилось в 1968-м. Это был переломный год войны во Вьетнаме и бурный год во внутренней политике. Студенческий бунт в Колумбийском университете охватил весь кампус, студенты заняли пять зданий в знак протеста против соучастия администрации во вьетнамской войне, а также против ее земельной политики, ущемляющей права чернокожих жителей расположенного неподалеку Гарлема. Я участвовал в протестах от начала до конца, получив в придачу к своим проблемам удар по голове дубинкой от одного из нью-йоркских полицейских³.

Конечно, выступая против американского участия в войне во Вьетнаме, я, как и миллионы других американцев, думал, что мы стараемся спасти вьетнамцев. Но наши протесты вдохновляло и стремление уберечь Америку, занявшую неверную позицию, спасти ее от руководства, которое сбилось с пути, от насилия, совершаемого от нашего имени. Возможно, я не был совсем своим, но это вовсе не делало меня менее американцем. «Я одержим Вьетнамом, и поэтому все остальное кажется бессмысленным», – писал я своему школьному приятелю в ноябре 1967 года.

³ Ежедневный обзор событий в Колумбийском университете в весенний семестр 1968 года см. [Occupation 1968: 788-793].

Бабушка Сэди с гордостью позирует перед нашим домом со своими тремя внуками: Стив, высоченный в свои двадцать один; неуклюжий пятнадцатилетний я; и моя девятилетняя сестренка Эллен, которая крепко обнимает свою куклу Барби

Я считал, что участие Соединенных Штатов во вьетнамской войне является результатом враждебности к коммунизму, питаемой десятилетиями. И именно от этого, полагал я, мою страну следует спасать. Так я и стал пехотинцем антивоенного движения, а также начинающим коммунистом. Я поделился со многими студентами по всей стране своим увлечением теми, кого наши наставники считали врагами. Мы изучали революции, крестьянские сообщества и партизанские движения. Мы читали Франца Фанона, Режи Дебре и Мао Цзэдуна, обсуждали тонкости революционной стратегии и горячо верили в то, что глубокое понимание теории приведет к лучшей практике – или, может быть, наоборот, революционная практика улучшит теорию.

Сейчас стало модным высмеивать революционный пыл студентов конца 60-х, так что я не буду особо углубляться в эту тему. Я разделял этот пыл, но немного отличался от моих ближайших товарищей: они были очарованы крестьянскими революциями и партизанскими армиями, а я хотел узнать как можно больше о том, где и почему началась революция. Иными словами, я хотел узнать больше о России и русской революции.

Откуда этот интерес к России? За прошедшие годы ответ на этот вопрос изменился. Раньше я думал, что мой интерес связан с происхождением семьи: мои два деда родом из Одессы и Риги, мой отчим вырос в Сквире, городе в Киевской губернии, где, согласно переписи 1897 года, евреи составляли примерно половину жителей. Из этих троих я знал только отчима моей матери Морриса Соснова (сокращение от Сосновского), мои «настоящие» деды умерли до того, как я пришел в этот мир. Моя бабушка по материнской линии, урожденная Сэди Рубель, приехала из Коломыи (Коломия на украинском), города в Галиции, еще находившегося под властью Габсбургов, когда она покинула его на рубеже веков. Она развелась с отцом моей матери Саулом Невинсом где-то в начале 1940-х годов. Вскоре она встретила Морриса, продавца дамских шляп, и вышла за него замуж. Мы всегда называли его «Моррис», а не «дедушка Моррис», при этом мой брат, сестра и я говорили о «дедушке Сауле» и «дедушке

Луи». Может быть, я решил заняться русской историей, потому что подсознательно пытался узнать что-то об этих давно умерших предках помимо того, что слышал о них от родителей? Возможно, и так, но почему же я никогда не удосужился посетить ни один из их родных городов или, за одним небольшим исключением, научным путем заняться исследованием того, что имеет отношение к их жизням? Уверен, что тяга к изучению России лежит в большей степени в коммунизме, чем в русскоязычных еврейских меньшинствах, говоривших на идише, и, следовательно, связана с моим отцом, а не с его предками или предками моей матери.

Мортон (Морти) Сигельбаум родился в Нью-Йорке в 1915 году и был самым младшим из четырех детей Иды и Луи. В 1933 году он окончил среднюю школу имени Девитта Клинтона и, невзирая на Великую депрессию, поступил в университетский колледж. Он единственный из всех детей продвинулся в учебе дальше средней школы. Получив диплом в 1937 году, он стал преподавать общественные науки в системе государственных школ Нью-Йорка. Он «заигрывал» (его слово) с троцкизмом в колледже, но вступил в Коммунистическую партию в 1939 году, в том самом году, когда Советский Союз и фашистская Германия подписали пакт о ненападении. Мне всегда было трудно понять, как он мог так поступить, тем более что он всегда заявлял о своей поддержке Народного антифашистского фронта. В то время, когда он вступил в партию, многие американские коммунисты отказывались от своего членства. Он сделал это, объяснял он, потому что те из коллег-учителей, кем он больше всего восхищался, уже состояли в партии⁴. Он восхищался ими, потому что, будучи членами нью-йоркского Учительского союза (TU), они боролись за лучшие условия не только для коллег-учителей, но и для детей, в том числе живущих в Гарлеме. Современная история TU – предмета скорее очернительства, нежели образования, – подтверждает эту точку зрения:

В случае с TU имеются очевидные свидетельства того, что многие его руководители состояли в Коммунистической партии и использовали профсоюз для продвижения политики партии. Однако верно также и то, что многие члены TU, в том числе и члены партии, рассматривали профсоюз как важнейший инструмент улучшения жизни учителей, детей и местного населения [Taylor 2011: 60]⁵.

Несколько лет назад мой брат оповестил меня о фотографии, напечатанной в книге об Учительском союзе. Снимок этот первоначально появился 3 ноября 1945 года в выпуске «New York Teacher News». На нем запечатлена группа примерно из тридцати учителей, митингующих в поддержку расширения льгот замещающим учителям. В первом ряду стоит женщина с табличкой, требующей для них «ПОЛНОЙ ЗАРПЛАТЫ», а в четвертом ряду улыбается человек в очках в проволочной оправе, очень похожий на моего отца – но еще не мой отец [Taylor 2011: 89].

Какое отношение имел мой отец к коммунизму как к идеологии и Советскому Союзу как ее источнику? Читал ли он, например, классику марксизма-ленинизма? Я не помню, чтобы кто-нибудь видел такие книги на книжных полках, которые отделяли его кабинет (так называемый «солярий») от гостиной нашего дома. Может быть, он хранил их в другом месте. Может быть, к тому времени, когда я начал ходить, он их спрятал. Вместо Маркса и Ленина я поглощал романы Говарда Фаста, которые выстроились на полках, как солдаты, – романы о Спартаке, гражданине Томе Пэйне⁶, Джоне Альтгельде (губернаторе Иллинойса, который помило-

⁴ Когда мой отец начал свою педагогическую карьеру, «коммунисты занимали важные руководящие должности [в Учительском союзе]. <...> К 18 декабря 1937 года пятнадцать из двадцати четырех членов [исполнительного совета] состояли в партии... Такое необычное положение возникло в результате забастовки в 1935 году семисот «социал-демократов», которые образовали конкурирующий союз, Учительскую гильдию» [Taylor 2011: 33,42, 45].

⁵ «Приверженность профсоюза линии компартии не мешала ему искренне защищать интересы учителей, родителей и детей» [Heins 2013: 96].

⁶ Томас Пейн, также Пэйн, иногда Пэн (англ. Thomas Paine; 29 января 1737, Тетфорд, Великобритания – 8 июня 1809,

вал трех приговоренных к пожизненному заключению за взрыв во время бунта на Хеймаркет в 1886 году), о реальном бывшем рабе Гидеоне Джеконе и вымышленном Адаме Купере, воевавшем в сражении при Лексингтоне. Эти романы и канувшая в Лету книга о Верцингеториксе⁷, Скандербеге⁸ и других повстанцах против имперской власти воспламенили мое историческое воображение.

Одна книга в этой комнате, «Письма Этель и Юлиуса Розенбергов из Мертвого дома»⁹, омрачала мою юность [Rosenberg 1953]. Эти письма в синей мягкой обложке говорили о чем-то большем, чем их беспокойство, забота о двух своих сыновьях и нежность, которую каждый чувствовал к другому. Если не из этой книги, то от моих родителей я должен был знать о казни этой любящей пары в тот мрачный день 1953 года. Почему «Дж. Эдгар Гувер» их убил? Потому что они были коммунистами и евреями, сообразил я. Но мой отец тоже коммунист и еврей. Мои родители считали сфабрированными официальными обвинения, что Юлиус был советским шпионом, а Этель помогала ему и подстрекала его. Тот факт, что судья Ирвин Кауфман, который председательствовал на их процессе, был евреем, наводит на мысль, что правительство стремилось смягчить антисемитские настроения, которые само и подогревало в первую очередь. Тихие разговоры товарищей, друзей и родственников по этому поводу как-то дошли до моих ушей. Помимо существа дела и взбудораженных толкований, которые я слышал, само название книги вызывало у меня кошмары. Где был этот мертвый дом? Может, рядом с нашим домом тоже есть такие мертвые дома, о которых я не знаю? И если Розенбергов можно было убить за то, чего они не сделали, то почему не могут так же убить Сигельбаумов, включая меня?

Хотя до самых последних дней папа не сожалел о своем членстве в партии, у него была причина осторожничать в отношении своих политических предпочтений. Люди употребляют термин «маккартизм» так часто, что он утратил свою историческую специфику. Вне контекста антикоммунистической атмосферы этот термин ничего не значит. Совет по образованию вычистил моего отца вместе с сотнями других учителей из школьной системы Нью-Йорка либо потому, что они отказались отвечать на печально известный вопрос о том, «являются ли они сейчас или были ли когда-либо» коммунистами, либо потому, что они отказались «назвать имена». Лишив этих преданных своему делу учителей профессии, праведные идеологи американского патриотизма продолжали их преследовать. Несколько лет спустя соседи говорили мне, что агенты ФБР стучали в их двери, чтобы спросить, замечали ли они, что в нашем доме проводятся подозрительные собрания. Папина преподавательская карьера оборвалась, он подстраховал себя на несколько лет, вернулся к учебе (ему было за сорок), чтобы подготовиться к дивному новому миру компьютерной электроники. Digitronics, Redactron, Burtoughs – эти корпорации нанимали моего отца в качестве менеджера по продажам¹⁰. Он ненавидел каждую минуту этих занятий, но тем самым смог обеспечить достойное воспитание, которое мой старший брат, младшая сестра, да и я сам зачастую воспринимали как должное.

Нью-Йорк, США) – англо-американский писатель, философ, публицист, известный как «крестный отец США». – *Примеч. ред.*

⁷ Верцингеторикс, или Верцингеториг (лат. Vercingetorix) (ок. 82 до н. э. – 46 до н. э.), – вождь кельтского племени арвернов в центральной Галлии, противостоявший Юлию Цезарю в Галльской войне. Его имя на галльском означает «повелитель над» (ver-gix) «воинами» (cingetos). – *Примеч. ред.*

⁸ Скандербег, или Георгий Кастриоти (алб. Gjergj Kastrioti Sknderbeu; 6 мая 1405 – 17 января 1468), – правитель княжества Кастриоти (1443-1468), вождь антиосманского албанского восстания, национальный герой Албании, воспеваемый в народных песнях. – *Примеч. ред.*

⁹ Речь идет о знаменитом деле Юлиуса Розенберга (англ. Julius Rosenberg; 1918-1953) и его жены Этель (в девичестве Гринглас, англ. Ethel Greenglass Rosenberg; 1915-1953), первых и единственных гражданских лиц в истории Америки, казненных в период маккартизма за шпионаж в пользу иностранной державы. – *Примеч. ред.*

¹⁰ Начальницей папы в Digitronics, а затем в Redactron была Эвелин Березин, «пионерка компьютеров», которая создала и продала «первый компьютеризированный текстовый процессор» [McFadden 2018; Sloane 1972]. Мой отец всегда отзывался о ней в самом хвалебном тоне.

«Он полагал, что все бабушки так же прекрасны, как его бабуля». Мама и Сэми, около 1987 года

Мы добились всего во многом благодаря матери, на плечи которой, как и многих белых женщин среднего класса ее поколения, легло нескончаемое бремя обязанностей хранительницы домашнего очага. На поминальной службе в ее честь в июне 2017 года Сэми, мой тридцатипятилетний сын, отметил, что в детстве он полагал, что все бабушки так же прекрасны, как его бабуля, – бесконечно терпеливая, очарованная всем, что он говорит или делает, окружающая его своей любовью. Только тогда мне пришло в голову, что моя мама делала то же самое для меня. Несмотря на то что у нее в семье была подчиненная роль домохозяйки – супруги кормильца, она никогда не выражала желания – по крайней мере насколько я слышал или помню, – вернуться к своей работе зубного техника, чем она занималась до брака, или к любой другой оплачиваемой работе. Когда ей было двенадцать, ее родители развелись, чего она всегда стыдилась. Я знаю, насколько болезненно она к этому относилась, потому что в последние годы она неоднократно возвращалась к этой теме, описывая, как «дети по соседству» насмеялись над ней, спрашивая, где ее отец, на что она отвечала, что он «в командировке». Кокон безопасности, которым она окружила своих троих детей, отчасти и был обусловлен ее собственной потерей.

Это домашнее тепло я чувствовал все свое детство, в том числе летом, когда я посещал «бунгало» возле Южного Фолсбурга в Катскилле, в месте, известном также как «Борщовый пояс». Это все, что осталось от «особняков Рубеля», нескольких сооружений, заложенных еще моей прабабушкой по материнской линии бабой Дрейжей и ее мужем Иосифом. У меня сохранились яркие воспоминания о здании, стоящем довольно далеко от дороги, с лепными стенами и центральным коридором, разделяющим ряд спаленок, куда едва помещались кровать и комод. Центром общения служила большая кухня в задней части дома, где моя бабушка и ее младшие сестры Адель, Роуз, Бетти и Хильда готовили еду, играли в карты и непринужденно болтали на своей особой смеси идиша и английского. Справа от бунгало была черничная полянка с кустами гораздо выше меня, где ягоды росли в таком изобилии, какого я больше

никогда не видел. Слева – поле, отделяющее бунгало от гилбертовского отеля, построенного на земле, ранее занимаемой особняками Рубеля.

Видимо, с Гилбертом как-то договаривались о том, чтобы гости бунгало могли бесплатно пользоваться удобствами отеля, потому что я помню, как плавал в его открытом бассейне и бродил по вестибюлю. Насколько мне помнится, в бунгало собиралась вся семья моей матери – большая, шумная компания, говорящая с сильным восточноевропейским акцентом («Юфф-ный Фольс-бойг»), в прошлом состоятельная, но все еще сохраняющая налет буржуазности. Постепенно все они, за исключением моей бабушки, переехали во Флориду. Семья моего отца, гораздо менее яркая и матриархальная, собиралась реже. О своей бабушке по отцу, Иде, я мало что помню; только то, что она запрещала мне входить в дом «боорвис» (босиком на идише) и хихикала пронзительно, будто ведьма. Из старших двух братьев и сестры моего отца только дядя Ирвинг, продавец и актер любительского театра, проявлял ко мне какую-то привязанность. Никто из них не разделял политические взгляды отца; да и все были слишком заняты, пытаясь свести концы с концами.

Так как же тогда мой отец повлиял на меня? Если бы не его глубоко марксистское понимание мира и его давнишние коммунистические убеждения, я бы, вероятно, не научился критически читать «Нью-Йорк Таймс», не познакомился с независимым левым еженедельником «National Guardian» и ничего бы не знал о рабочих забастовках и сидящих в тюрьме борцах за гражданские права Николо Сакко, Бартоломео Ванцетти и Розенбергах. С десяти-одиннадцати лет я помогал ему распространять листовки, ходя по домам от имени «Neighbors Unlimited», гражданской группы, решившей бороться с переездом белых из нашего все более черного квартала Лейквью. Ночью из спальни наверху, которую я делил со своим братом, я пытался услышать, о чем говорят в гостиной папа и другие члены организации; впрочем, чтобы услышать его громкий голос, особо напрягаться не приходилось. Короче говоря, если бы не мой отец, я бы гораздо лучше вписался в средний класс, к которому принадлежали мои белые друзья в средней школе в Малверне. Но папа сделал меня совсем не похожим на них.

Папа никогда ничего дурного не говорил о коммунизме. Это послужило причиной моего слегка шизофренического воспитания; в школе и среди друзей детства, таких как Летти, коммунисты представлялись как подрывные элементы, тогда как дома они считались борцами за мир во всем мире и социальную справедливость. Что касается СССР, который мой отец расхваливал как оплот борьбы против американского империализма, я никогда не забуду саркастическое замечание Миши Левина: на мои слова о том, что отец раньше был членом Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки (CPUSA), он ответил: «Они знают, что им не нравится, поэтому им нравится то, о чем они не знают». «Они» – он имел в виду западных коммунистов в целом. Это немного несправедливо, потому что мой отец читал жадно и пытался узнать как можно больше. Позже, в 1985 году, когда ему исполнилось семьдесят лет, он наконец посетил Советский Союз. Он с мамой и их друзья отправились на двухнедельную экскурсию по Москве, Ленинграду, Тбилиси, Еревану и Краснодару¹¹.

Мама описывала младших школьников, которых они встретили в Краснодаре, как «очаровательных», а еду как «так себе». Папа выражал осторожный оптимизм по поводу перестройки, не заинтересовался знакомым знакомого, встречу с которым я для них организовал, но в остальном мало что рассказывал. Думаю, это потому, что он не увидел тот Советский Союз, который ожидал увидеть, тот, который он обожал до своего приезда туда. Может быть, Советский Союз был для него чем-то вроде воплощения надежды. Может, Миша был прав.

Вспоминая дом своего детства и его убранство, я понимаю, что вкусы моего отца в искусстве и политике пропитали меня всего. Репродукция картины Оноре Домье «Вагон третьего

¹¹ Последний город турагентство включило в тур в качестве замены Киева, потому что авария в Чернобыле двумя неделями ранее закрыла украинскую столицу для посещения.

класса», который веб-сайт «Метрополитен-музея» описывает как изображение «жизненных тягот и сдержанной стойкости пассажиров железнодорожного вагона третьего класса», занимала видное место возле входной двери¹². Стену спальни украшал Пикассо, по всей видимости, «голубого» периода. Когда я узнал, что Пикассо был коммунистом? Возможно, тогда же, когда узнал, что Рокуэлл Кент, американский художник и график, чьи работы на мексиканские темы украшают кувшин, тарелки и другие предметы, которыми мы пользуемся по сей день, пострадал за свою известность в Советском Союзе. Давид Сикейрос, один из трех великих мексиканских муралистов, тоже входит в число коммунистов этой страны. В 1965 году он был у моих родителей во время тура, спонсируемого «Guardian», и они сделали фотографии, которые меня очень впечатлили. Годы спустя я узнал, что он был одним из тех, кто пытался, но не смог убить Льва Троцкого, за три месяца до того, как Рамон Меркадер наконец доделал за них работу.

¹² Honoré Daumier, The Third-Class Carriage, H. O. Havemeyer Collection, The Metropolitan Museum of Art //https://www.metmuseum.org/art/collection/search/436095 (дата обращения: 14.09.2018).

Баба Дрейжа (18?? —1955), моя прабабушка по материнской линии

Думаю, что из-за отца, а не из-за матери я, в отличие от моих друзей-евреев, не ходил в еврейскую школу и не прошел бар-мицву. Вместо этого я ходил в идишскую школу, хоть

и недолго. Моя мать, которая знала, что ее ждет, когда выходила замуж за отца в 1940 году, согласилась с этим решением. Жуткое воспоминание о бар-мицве моего старшего брата, которая проходила в ортодоксальной синагоге без кондиционера, где-то в Бронксе, в один из самых жарких июльских дней двадцатого века, вероятно, убедило ее свести число положенных семейных бар-мицв до одной. Чтобы я не чувствовал себя обделенным, когда мне исполнилось тринадцать, папа отвез меня с тремя друзьями на гору Хантер в Катскилле покататься на лыжах. Мое самое яркое воспоминание об этой поездке – как наша машина ночью съехала с серпантина и выехала на встречную полосу.

В старших классах я был исключительным во всем без исключения. Я посещал курсы с отличием и получал в своем классе достаточно высокие оценки, чтобы занимать второе место в выпускном классе, играл на саксофоне в группе, был игроком второй базы в бейсбольной команде и редактировал школьную газету, пока не ушел в отставку из-за отказа руководства напечатать написанную мной редакционную статью. В этой передовице я протестовал против отзыва приглашения Пита Сигера¹³ выступить в другой средней школе Лонг-Айленда из-за его предполагаемого коммунистического прошлого; руководство считало тему неуместной для нашей средней школы. У меня была ведущая роль в школьной пьесе, в которой герои мультфильмов Арчи (таракан) и Мехитабель (бездомная кошка) изобретательно сочетались с шекспировским «Сном в летнюю ночь». Ничто из этого не заставило ни одну из девушек, по которым я тосковал, полюбить меня. Мистер Бессэ, мой любимый учитель, преподавал общественные науки как историю Америки. Он был почти пенсионером с широкой, но редко появляющейся улыбкой, жил один в квартире на верхнем этаже двухэтажного дома в Малверне. Я знаю это, потому что ближе к концу моего двенадцатого класса он пригласил нескольких своих учеников на чай. На выпускном он подарил мне роскошное издание «Здравого смысла» Томаса Пейна.

Несколько летних каникул в подростковом возрасте я провел в «Тохони», лагере для мальчиков на озере Бьюэл в западном Массачусетсе. Основанный в 1920 году, «Тохони» в основном предназначался для еврейских семей из большого Нью-Йорка, которые на восемь недель охотно расставались со своими сыновьями и внушительной суммой денег [Drew 2009: 129-130]. Папа там работал вожатым с конца 1930-х годов, а после женитьбы на маме в августе 1940 года привел ее с собой. Годы, которые они проработали в лагере, давали им скидку на нас со Стивом, когда мы достаточно подросли, чтобы ездить в лагерь¹⁴.

Одно из моих самых ранних впечатлений о лагере – исполнение «Томми Питчера», жанр которого определяется в источниках, к которым я обращался, как опера, предназначенная для подростковой аудитории. Она была написана Джорджем Кляйнзингером (1914-1982) [Kleinsinger 1954]. Кляйнзингер был плодовитым композитором, чье самое известное произведение, «Tubby the Tuba», также написано для детей. Я слушал запись дома бесчисленное количество раз. «Томми Питчер» помнится по отрывку из одной из песен, который звучит так: «Том Питчер на речку рыбачить ходил, от удочки взгляда не отводил». Я ехидно «переписал» эти строки: «Том Питчер мочиться на речку ходил, ширинку пошире парень раскрыл». Кляйнзингер, также автор музыки для бродвейского шоу «Арчи и Мехитабель», премьеры которого состоялась в 1954 году, навряд ли бы оценил то, как я улучшил его либретто¹⁵.

¹³ Пит Сигер (англ. Pete Seeger, 1919-2014) – американский фолк-певец, общественный активист. Сигер считается ключевой фигурой в возрождении народной музыки в США в середине XX века и в появлении музыки протеста. – *Примеч. ред.*

¹⁴ «Вы случайно не сын покойного Мортон Сигельбаума?» – так начиналось электронное письмо, полученное мной 24 августа 2017 года от Габи Льютон-Леопольд, которая «работала над книгой о моей покойной бабушке, Розе Леопольд (в девичестве Каган)». Оказывается, незадолго до того, как мои отец и мать сошлись, бойфрендом Розы Каган, «учителем в Нью-Йорке и консультантом в социалистическом летнем лагере в Грейт-Баррингтоне, штат Массачусетс», был Морти Сигельбаум. Они оба были членами партии. Понятия не имел об этом раньше.

¹⁵ В OCLC за Кляйнзингером числятся «242 работы в 409 публикациях»: Kleinsinger, George 1914-1982, OCLC WorldCat Identities // <http://worldcat.org/identities/lccn-n85367851/> (дата обращения: 15.09.2018). В статье о Кляйнзингере в «Википедии»

Был ли связан Кляйнзингер с «Тохони», и если да, то как? Существует несколько заманчивых объяснений. Одно из них заключается в том, что, согласно информации в «Википедии», «Томми Питчер» впервые исполнялся в 1952 году в музыкальной студии «Indian Hills» в Стокбридже, Массачусетс, т. е. примерно в десяти милях от лагеря. А мой брат говорил, что мы жили в одном доме с Кляйнзингерами до моего рождения и что «Том Питчер» был «театральной пьесой, которую он написал для лагеря, с Аланом Аркином в главной роли»¹⁶. Наконец, названия некоторых из работ Кляйнсингера военного и послевоенного времени – «Увертюра на американские народные темы», «Ода демократии» и «Я слышу, как поет Америка» (последняя была записана вместе с «Балладой для американцев» Поля Робсона), – отражает ту культуру коммунистического народного фронта, с которой мы столкнулись в лагере, о чем я расскажу чуть позже.

В шестнадцать лет я работал в лагере официантом, в последующие годы – вожатым-практикантом, самостоятельным вожатым и, наконец, старшим вожатым. «Тохони» был похож на многие другие летние лагеря в этом районе. Его название – по-алгонкински «мы разобьем здесь лагерь» – символизировало культуру коренных американцев, что характерно для лагерей для мальчиков того времени. Там была набережная с парком миниатюрных парусных лодок, а в какое-то время в 60-х – и водные лыжи; живописное здание из бревен с видом на озеро, где мы играли в баскетбол, смотрели спектакли, а 21 июля 1969 года смотрели высадку на Луну по телевизору, установленному специально для такого случая; там было бейсбольное поле, стрельбище для стрельбы из лука и винтовок, а также теннисные корты. Его вожатые были отовсюду. Я помню «Спрингфилд» и «Лок Хейвен Бойз» (из Спрингфилдского колледжа в Массачусетсе и Колледжа штата Лок Хейвен в Пенсильвании, оба учительские колледжи), а также Кенни Мосса и Джеффа Росса, оба из Лонг-Айленда, нескольких англичан, пару братьев из Австрии (Эдгар и Эрни Судеки, один бывший футболист, организовавший в лагере занятия спортом, второй – самый настоящий олимпийский чемпион по толканию ядра) и Тома Уодделла, выдающегося спортсмена и человека, занявшего шестое место среди тридцати трех участников в десятиборье на Олимпийских играх 1968 года в Мехико. Примерно четырем годами ранее Том организовал в «Тохони» Олимпиаду, где соревновались все дети лагеря. Я участвовал в десятиборье в команде, которую тренировал мой брат, который был тогда вожатым, как и Том. Уодделл стал врачом, имел практику в районе Кастро в Сан-Франциско, основал Олимпийские игры для геев (сейчас – «Гей-игры») и умер от СПИДа в 1987 году в возрасте сорока девяти лет [Waddell 1996]. Насколько я знаю, в лагере «Полумесяц» на другом конце озера тоже были замечательные сотрудники. Но, в то время как тот лагерь был приютом для детей, чьи родители покинули (коммунистическую) Кубу, «Тохони» был пристанищем коммунистов¹⁷.

Был ли членом партии Пит Менакер, владелец лагеря? Мой папа считал его товарищем; на мой юношеский взгляд, он вел себя как партиец, то есть был грубоватым, неприветливым, вспыльчивым и не обращал внимания ни на что, связанное с поп-культурой. Коммунизм достался ему практически по наследству. Его родители, еврейские иммигранты из Одессы, назвали своих сыновей в честь революционеров. Помимо Пита (названного в честь Кропот-

дии» (на голландском) перечисляются среди прочего симфония, концерт и фантазия для скрипки с оркестром, а также три кантаты, включая «Бруклинскую бейсбольную кантату» с текстом Майкла Стрэттона, псевдоним Майкла Сигельбаума (не родственник): George Kleinsinger, Wikipedia, The Wikimedia Foundation, last modified May 18, 2018. URL: https://nl.wikipedia.org/wiki/George_Kleinsinger (дата обращения: 22.06.2020).

¹⁶ В личном разговоре 16 сентября 2018 года. Поскольку Алан Аркин на пятнадцать лет меня старше, он бы исполнил эту роль еще до моего рождения. Вполне возможно, что либо я видел намного более поздний спектакль, либо просто воображал, что видел его, по описаниям родственников.

¹⁷ См. «Википедию»: Camp Half Moon, Wikipedia, The Wikimedia Foundation, last modified December 2, 2018. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Camp_Half_Moon (дата обращения: 15.05.2020). В этом отношении Тохони напоминал лагерь Киндерленд, который был домом для многих детей из семей американских коммунистов, «впитавших леворадикальные идеи с молоком матери».

кина, или это был Лавров?), лучше всех я знал Энге (Фридриха Энгельса)¹⁸. Энге управлял гостевым лагерем рядом с «Тохони», где жили родители, когда навещали своих сыновей. У него также был фермерский дом на Лейк-Буел-роуд, где я позже проводил романтические выходные со студенткой Барнарда.

Неомаккартистские историки Харви Клер и Джон Эрл Хейнс описывают Энге как «откровенно прокоммунистического журналиста», который «управлял приютом Лиги американских писателей для беженцев от фашизма во Франции», а затем готовил убежища для «некоторых беженцев в доме семьи Аренал в Мехико» [Klehr 1999: 266]¹⁹.

¹⁸ Я слышал, что Пит был тезкой анархистского философа и ученого Петра Кропоткина (1842-1921); Даниэль Менакер, племянник Пита, говорит, что имя Питу было дано в честь Лаврова; Петр Лавров (1823-1900), социалист-революционер, большую часть своей сознательной жизни прожил за границей и, как и Кропоткин, горячо поддерживал Парижскую коммуну [Menaker 2013:76].

¹⁹ Леополо и Лу Аренал принимали участие в неудачной попытке убийства Льва Троцкого, организованной художником Давидом Сикейросом в мае 1940 года. О Маккарти и американском коммунизме см. лекцию Клер: URL: http://polisci.emory.edu/home/neh_2016/about/klehr.html (дата обращения: 22.03.2017).

«После женитьбы на маме в августе 1940 года [он] привел ее с собой». Мортон и Бланш Сигельбаум, лагерь «Тохони», лето 1941 года

Клер и Хейнс в качестве источника ссылаются на мемуары Дэниела Менакера, опубликованные в 1987 году и замаскированные под сборник рассказов. В мемуарах Энге – это дядя Сол, старый восьмидесятилетний коммунист, который до сих пор читает «Дейли Уорлд» и крити-

кует распутного племянника. Так много внимания уделил Даниэль Менакер дяде Солу-коммунисту, что рассказ назван «Старые левые» [Menaker 1987]. Я как-то не обращал особого внимания ни на политические взгляды Энге, ни на его сексуальную ориентацию. Хотя на ферме жила Софи, женщина примерно его возраста, Энге предпочитал мужчин. Спустя годы я каким-то образом осознал, что вскоре после того, как Том Уодделл в 1959 году приехал в «Тохони», он и Энге стали любовниками.

Среди Менакеров, как я уже говорил, настоящим коммунистом казался Пит. Как же тогда он оправдывал себя, будучи управляющим летним лагерем для детей из зажиточных семей? Как однажды мне объяснил сам Пит, он считал их обделенными: им не хватало опыта коллективизма, совместной работы для создания чего-то ценного своими руками, контакта с природой без контроля родителей. Это поразило меня тогда и до сих пор кажется неискренним и корыстным. Но как еще Пит мог получить деньги, чтобы построить и поддерживать в хорошем состоянии этот лагерь, нанять таких замечательных вожатых и кормить нас всех? Подобно капитализму, который он ненавидел, Пит воплощал в себе противоречия: он с головокружительной скоростью водил мотоцикл по территории лагеря, избивал и всячески унижал свою жену Сару, но при этом с симпатией относился ко всем обитателям лагеря без разбора и напоминал некоего библейского пророка. Он втолковывал мне, что коммунистам вовсе не обязательно быть более нравственными, вести себя лучше или более последовательно, чем остальные.

В те годы такие вопросы меня не слишком волновали. Скорее я хотел увидеть побольше таких грудей, как те, что лагерная медсестра задорно показала мне однажды вечером на берегу. Я хотел встретить симпатичную девушку из «Фокин» или другого лагеря для девочек, где у нас были знакомые, и «пообщаться» с ней. Больше всего я хотел стать лучшим теннисистом если не в мире, то хотя бы в лагере. Теннис?! Почему теннис? Могла ли эта «самая эгоистичная из игр» привлечь меня, потому что, как кто-то недавно сказал, она «привлекает одержимых и задумчивых»²⁰? Действительно, что-то в этом есть. Теннис поглощает вас целиком; во время игры невозможно думать ни о чем другом. Каждый поинт, каждый удар – это вызов. Так что в некотором смысле теннис дает отрешение от повседневных забот. Все, о чем мне нужно было заботиться, происходило в границах теннисного корта.

Другое дело, что я и играл неплохо. К тому времени, как я добрался до средней школы, я уже мог победить брата, который превзошел меня во всем остальном. Я учился играть в теннис в штатном парке Хемпстед-Лейк, в нескольких минутах ходьбы от дома. Мы с друзьями пробирались на корты с грунтовым покрытием и играли после того, как клуб закрывался, просто перелезая через забор в шесть футов высотой. Мой отец в теннис играл, хотя не помню, чтобы он учил меня игре. Не думаю, что я когда-либо задавался вопросом, где научился играть этот ньюйоркец, отпрыск Луи Сигельбаума, водопроводчика. У него были друзья, которые тоже играли: и Марвин Люфтиг, основавший в 1950 году страховую компанию «Luftig Associates» (сейчас она располагается на Лонг-Айленде и называется «Tennis Club Insurance Associates of Great Neck»), на которую папа некоторое время работал после того, как его учительская карьера так внезапно оборвалась; и Ирвинг Сигель, бывший коллега-учитель. После переезда с семьей в другой пригород дальше на острове Марвин иногда возвращался, чтобы поиграть в теннис в парке Хемпстед-Лейк, и заходил к нам переодеться и принять душ. Ирв и его жена Дорис среди всех родительских друзей наиболее сильно сопротивлялись пригородной лихорадке. Они остались вместе со своей дочерью Вивиан в Стайвесант-таун – Питер-Купер-Виллидж. Однажды, в студенческие годы в Колумбии, я играл в теннис с Ирвом. Он отвез меня на какие-то корты в Квинсе и, к моему ужасу, легко разгромил.

В «Тохони» я был тренером по теннису. Это значило бесконечно подавать мячи, подметать, поливать, уплотнять, по-всякому ухаживать за кортом, а в хорошие дни – играть с

²⁰ Джон Иеремия Салливан во введении к [Wallace 2016: 5].

Александром (Сэнди) Мейклджоном. Сэнди был несколькими годами старше меня и намного лучше как теннисист, был сдержанным, бесстрастным, за исключением случаев, когда он находил что-то смешное, и тогда из его губ раздавался отрывистый смешок. Я его просто боготворил. Дедушка Сэнди, в честь которого его назвали, был философом и активным сторонником свободы слова. В 1949 году, в год моего рождения, он скрестил мечи с бывшим троцкистом Сидни Хуком в «литературном поединке», опубликованном в «Нью-Йорк Таймс». Александр Мейклджон отстаивал право коммунистов преподавать в государственных школах [Meiklejohn 1964: 41]²¹.

²¹ См. [Hook 1949; Meiklejohn 1949]. Хейнс пишет об этих дебатах как о «широко обсуждаемом обмене мнениями» [Heins 2013: 73].

Глава 2

«Революционер или ученый?»

Я поступил в Колумбийский университет, потому что не попал в Амхерст. Почему Амхерст? Потому что дедушка Сэнди десятилетиями раньше был там ректором; потому что там преподавал Генри Стил Коммаджер²², уважаемый американский историк, о котором я был слышан; но также и потому, что он имел высокую репутацию среди небольших гуманитарных колледжей. Я так хотел поехать туда, что убедил отца отвезти меня в кампус (тогда подобная практика была не такой распространенной, как сейчас). Он очень любил поэзию Эмили Дикинсон, любил ее дом. Колледж был именно таким, как я представлял. Система квот могла мне помешать – слишком много нью-йоркских детей претендовали на поступление.

Почему Колумбия? Однажды вечером на семейном собрании в квартире бабушки Сэди в Бронксе муж моей кузины Мэрилин, Мел Шварц, спросил меня о колледжах, куда я подал заявление. Рубели проводили такие встречи примерно каждые полгода или около того, чтобы обсудить общие вопросы. Помню, что чаще всего обсуждали, кто будет ухаживать за могилой бабы Дрейжи в Квинсе. Обычно я заходил в гостиную, где все собирались, выходил, бродил там и тут, прежде чем отключиться – от скуки – в спальне. В тот конкретный вечер, – должно быть, это было в начале сезона подачи заявлений, – я упомянул Амхерст и пару других колледжей. «А как насчет Колумбии?» – спросил Мел, который был там на физическом факультете. Ну что ж, почему бы и нет, подумал я.

Институт семейных встреч являлся одной из инвестиций евреев-иммигрантов первого и второго поколения из Восточной Европы, направленных на максимизацию их социального капитала. Кто знает, сколько было обговорено дешевых или беспроцентных ссуд, сколько получено бесплатных консультаций и заключено соглашений для объединения ресурсов членов расширенной семьи? Мел, который получил Нобелевскую премию по физике в 1988 году, возможно, не был в состоянии помочь мне попасть в Колумбию, а просто подумал, что я должен подать заявление, направил меня на этот путь. Итак, удача мне улыбнулась, но от брата я отдалился. Стиви поступил в колледж в Квинсе, вскоре вылетел оттуда, потому что первый год провел в джаз-клубах в Манхэттене, а затем поступил в небольшой колледж в юго-восточном Огайо, откуда его тоже едва не исключили, когда декан узнал, что они с тогдашней его подружкой (и будущей женой) провели ночь в его комнате в общежитии; или, по крайней мере, так сообщают семейные предания.

²² Генри Стил Коммаджер (1902-1998) – американский историк. В качестве одного из наиболее активных и плодотворных либеральных интеллектуалов своего времени, перу которого принадлежит более 40 книг и 700 статей и обзоров, он помог определить современный либерализм в Соединенных Штатах. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.